

на правах рукописи

Лазарева Арина Владимировна

**НАЦИОНАЛЬНАЯ МЫСЛЬ В ГЕРМАНИИ
В ЭПОХУ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ**

**Раздел 07.00.00 – Исторические науки
Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)**

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

**Москва
2008**

Работа выполнена на кафедре новой и новейшей истории стран Европы и Америки Исторического факультета Московского Государственного Университета имени М.В.Ломоносова

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент
Александр Сергеевич Медяков
(Исторический факультет МГУ им.
М.В.Ломоносова)

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Арутюн Гургенович Айрапетов
(Тамбовский государственный
университет им. Г. Р. Державина)

кандидат исторических наук
Андрей Владимирович Доронин
(Германский исторический институт, Москва)

Ведущая организация: Институт Всеобщей истории РАН

Защита состоится «16» декабря 2008 года в 16 часов на заседании Диссертационного Совета Д_501.002.12 по всеобщей истории при Московском Государственном Университете им. М.В.Ломоносова.

Адрес: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д.27, корп.4, Исторический факультет, ауд.416А.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ им. А.М. Горького (1-ый корпус гуманитарных факультетов МГУ)

Автореферат разослан «15» октября 2008 года
Ученый секретарь Диссертационного Совета
кандидат исторических наук, доцент

Т.В.Никитина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Диссертационное исследование посвящено проблеме становления и развития национальной идеи и национального сознания немцев в эпоху Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.). Проблема нации и национализма сохраняет высокую степень актуальности прежде всего в двух отношениях. С одной стороны, само явление по-прежнему играет колоссальную роль как в политике, так и в идентичности каждого отдельного человека. С другой стороны, с конца 80-х гг. XX в. проблема нации и национализма находится на самом пике научного интереса во всем мире. Сейчас принято говорить о настоящем «ренессансе национализма», подразумевая под этим не только возрождение самого феномена, но и появление большого количества исследований, относящихся к самым разным отраслям знания – истории, социологии, политологии и многим другим. Обращает на себя внимание тот факт, что при этом истоки национализма привлекают меньше внимания, чем его расцвет. Не стала исключением и немецкая идея нации. Между тем проблема ее развития представляет особый интерес в связи со сложностью и противоречивостью этого феномена, а также той ролью, которую немецкий национализм сыграл в последующей европейской истории. Таким образом, обращение к феномену немецкого национализма и зарождению национальной идеи в Германии представляется не только важным, но и необходимым для создания общей картины европейского национализма Нового времени. Обращение к теме национализма в Германии способствует также и объяснению многих процессов немецкой истории, в частности, позднему объединению и появлению национал-социализма.

XVII в. стал для Европы во многом переломной эпохой. Это век развития буржуазных отношений, век утверждавшегося абсолютизма, век продолжавшейся научной революции. Одной из самых ярких особенностей XVII в. стали многочисленные социальные конфликты. «Бунташный век» потряс основы европейских государств: революция в Англии, Фронда во Франции, восстания в Нидерландах, Испании, Португалии, Неаполитанская революция, бунты в России, Тридцатилетняя война – все эти события свидетельствуют об общей кризисной тенденции, охватившей европейские страны к началу XVII в. В целом для Европы так называемый «общий кризис»¹ второй половины XVI-XVII вв. имел ряд схожих черт и проявился в самых

¹ Термин «общий кризис» (англ. - General Crisis) появился впервые в англоязычной историографии в середине XX в. в работах Т. Эстона (Aston T. Crisis in Europe 1560-1660. New York, 1965), Х. Тревор-Роупера (Trevor-Roper H. The General Crisis of the XVIIth century. London, 1967). Далее важной вехой в изучении «общего кризиса» стал сборник под редакцией Дж. Паркера «Общий кризис XVII века.» (General Crisis of the Seventeenth Century. London, 1978). Одним из последних крупных достижений в историографической дискуссии об «общем кризисе» можно назвать коллективный труд европейских историков «Кризисы XVII века», появившийся в 1999 г. в Германии (Krisen des 17. Jahrhunderts. Göttingen, 1999).

разных областях - от экономической до идеологической. Особую роль при этом играли усиление роли государства и возрастание налогового гнета, недовольство которым выливалось в открытое противостояние власти.

Наряду с уже отмеченным, XVII в. стал во многом решающей вехой в развитии еще одного явления, чрезвычайно важного для всей последующей европейской истории. Речь идет об идее нации. С одной стороны, к этому времени достаточную степень зрелости обрели различные материальные предпосылки, такие, как уровень развитости экономики и коммуникации, унификаторские меры политики абсолютизма, утверждение литературных языков и т.д. С другой стороны, в эпоху кризиса ослабли конкурирующие варианты самосознания: пошатнулись как локальные связи, привязанность к «малой родине», так и идеи о создании «универсальной монархии».² На смену партикуляризму и главенству религиозного фактора начинает приходить понятие «государственного интереса», который в XVII в. тесным образом переплетается с развитием идеи нации. В первую очередь эта связь и подобное смещение акцентов стали заметными в войнах XVII в. и наиболее четко проявились в годы Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.). В этой войне религиозный фактор выполнял скорее второстепенную функцию, к нему прибегали как к испытанному средству для обоснования своих претензий. Причины военных столкновений XVII в. скорее следует связывать с процессом становления европейских государств³ и новым импульсом для их внутреннего развития, который подразумевал обновление и пересмотр главных ценностей.

Особую роль в становлении национальной идеи сыграл и «общий кризис» XVII в. как таковой. Он потряс привычные устои общества в экономике, политике, социальной и духовной сфере и тем самым подготовил почву для идеи нации. Кризисная ситуация привела к появлению ощущения оторванности от традиционных ориентиров, таким образом создавая возможность задуматься о новых вариантах связи в обществе.

Не во всех странах эти процессы шли одновременно: на первом месте была Англия с ее уже утвердившимся протестантизмом, отказом от средневекового универсализма и культивированием политических достижений тюдоровской эпохи, за ней следовала Испания, правителям которой удалось добиться конфессиональной гомогенности, ставшей основой национального единства, к первым национальным государствам Европы следует относить и Португалию, где уже с XVI в. население осознавало себя единым народом.⁴ В

² «Универсальная монархия» (*monarchia universalis*) подразумевала объединение европейских стран в единое светское государство, некое подобие царства Божия на земле. Идея «универсальной монархии» приобрела особое значение в эпоху правления Карла V (1500-1558) и вплоть до начала XVII в. играла важную роль в политических устремлениях императоров.

³ Подробнее о войне как о государствообразующем факторе см.: Burkhard J. *Der Dreißigjährige Krieg*. Frankfurt am Main. 1992.

⁴ Подробнее о формировании наций в Европе см.: Национальная идея в Западной Европе в Новое время / Под ред. В.С. Бондарчука. М., 2005.

целом лидерами в процессе становления национальной идеи выступали западноевропейские страны, поскольку именно там раньше всего начали складываться абсолютистские государства, население которых было объединено не только политически, но также и на культурной основе: существовали зачатки литературного языка, общие традиции и обычаи. В централизованных европейских государствах национальная мысль под влиянием «общего кризиса» XVII в. становилась все отчетливее и постепенно начала использоваться уже в государственных интересах.

Совершенно иная ситуация имела место в Германии: единого государства не существовало. Более того, германские земли отличала беспрецедентная территориальная раздробленность, конфессиональная разобщенность, партикуляризм, культурная гетерогенность. В ходе Реформации немецкие земли оказались разделенными даже не на две, а на три соперничавших, а порой и открыто враждующих между собой части. Католиков, лютеран и кальвинистов разделяли различные политические и духовные ценности. Однако даже внутри группы, объединенной вероисповеданием, не было единства. Внутри конфессий постоянно шла борьба за политическое лидерство, поддерживаемая разными иностранными союзниками. Политические распри усугублялись династическими противоречиями: конфликт в доме Габсбургов, непримиримые споры пфальцской и баварской ветвей могущественных Виттельсбахов, — а также постоянным противостоянием между императором и князьями вне зависимости от их конфессиональной принадлежности. Все это делало политическое единство абсолютно недостижимым.

Раздробленность была не только политической. Конфессионализация и сильнейшая партикуляристская традиция обусловили различия в быте, культуре и менталитете, которые проявлялись в самых разнообразных сферах: от разницы в обрядах и праздниках до использования отличных друг от друга календарных систем. Даже в архитектуре и живописи сильнее чувствовалось влияние географически более близких западно- или восточноевропейских соседей, чем немецких княжеств.

Несмотря на это в Германии уже в Средние века появились первые представления о немцах как о своеобразном народе, отличном от других европейцев, которые нашли свое отражение в трудах гуманистов. Как и в других странах, именно образованные слои выступили своеобразными «будителями» нации.⁵ Особую роль в формировании представлений о немецкой нации сыграла Реформация. Она дала толчок для освобождения от давления

⁵ Этот термин происходит от чешского слова «buditel», дословно - тот, кто пробуждает. Первоначально так говорили о деятелях чешской культуры конца XVIII – первой половины XIX вв., которые вели активную борьбу за возрождение чешского языка, науки и литературы. В середине XX в. в историографии национализма «будителями» стали называть всех представителей образованных кругов, которые первыми выступили за национальные ценности. См., например: *Нации и национализм* / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М., 2002.

римской католической церкви и христианского универсализма, что положило начало процессу осознания национального своеобразия. Этому способствовало в немалой степени становление и распространение литературного немецкого языка, которое началось после перевода Лютером Библии.

«Общий кризис» XVII в. принес с собой новый этап развития национальной мысли в Германии. Все типичные черты кризиса - от молчаливого недовольства до вооруженных столкновений и появления оппозиционных кругов, присущие другим странам Европы в начале XVII в., проявились здесь в полной мере. Кризисное положение в Империи усугубляла внешнеполитическая борьба с Францией за европейскую гегемонию. Экономически кризис выразился здесь, как и в других странах, в истощении ресурсов, что было связано с климатическими осложнениями в Европе – еще в XVI в. началось похолодание.⁶ Ввиду этого обострилась проблема распределения материальных благ, спор за которые стал острее. Неурожаи конца XVI – начала XVII вв. повлекли за собой голод. В это время становятся более частыми миграции. Люди, сознание которых определялось привычкой к конкретному месту, и кругозор которых не выходил за его рамки, были вынуждены переезжать в новые земли, где было возможно более удачное ведение хозяйства. Внутреннее положение было расшатано и религиозными войнами. В итоге множество людей оказались вырванными из привычных сословных и местных связей. Подобная кризисная ситуация способствовала поиску новых привязанностей и ориентиров, в числе которых одно из главных мест занимала именно идея нации. Вместе с тем немцы прочувствовали эту кризисную ситуацию гораздо острее большинства других европейских народов, так как им пришлось столкнуться с настоящей катастрофой, которой стала для Германии Тридцатилетняя война.

Тридцатилетняя война была кульминацией различных проблем, возникших как в Империи, так и в Европе в целом в конце XVI - начале XVII вв.⁷ В Империи война усугубила кризисные тенденции, осложнив положение настолько, что само ее существование было поставлено под угрозу. Одновременно мирное население столкнулось с присутствием в Германии иностранных войск. В подобной ситуации образованные слои немецких территориальных княжеств занимались поиском новых путей для сохранения Империи «германской нации» и возможности ее трансформации. Таким образом, национальная мысль в Германии развивалась в эпоху Тридцатилетней войны с особой интенсивностью и стала доминирующей в трудах «будителей нации», в первую очередь немецких литераторов XVII в.

⁶Aston T. Op.cit. P. 38.

Предметом данного диссертационного исследования являются национальные представления немецких литераторов и публицистов в эпоху Тридцатилетней войны.

Целью диссертации является анализ формирования и содержательной стороны национальной мысли в Германии в XVII в. В связи с этим ставится ряд конкретных **задач**. Во-первых, представляется необходимым выяснить особенности социальной среды, которая в годы Тридцатилетней войны явилась носителем идеи нации. В центре исследования, таким образом, находятся представители образованных слоев немецкого общества, а именно литераторы и публицисты эпохи Тридцатилетней войны. Во-вторых, будет предпринята попытка показать влияние внешних факторов, таких, как война, на процесс формирования национальной идеи в Германии. В-третьих, речь пойдет о том, какие образы, способствующие проведению границ между «своим» и «чужим», появляются в обществе и какое влияние они имеют на идею нации. Здесь же стоит также подробно остановиться на общественных и культурных явлениях, таких, как «алямодействие», которые повлекла за собой Тридцатилетняя война и проследить, как они повлияли на идею нации в немецком обществе. В качестве четвертой задачи исследования можно определить роль «национальных мифов» и представлений о себе и своем народе в формировании национальной идеи. К задачам исследования относится также изучение влияния исторических реалий Центральной Европы на национальные идеи. В данном случае имеются в виду конфессиональный раскол, сложная структура Священной Римской империи и др.

Хронологические рамки исследования не ограничиваются лишь годами Тридцатилетней войны (1618-1648). Они охватывают временной промежуток и нескольких десятилетий после нее – примерно до начала 1680-х гг., что позволяет говорить о целой эпохе, для которой война стала лишь отправной точкой. Рассматривать период с 1618 до начала 1680-х гг. как целостную эпоху позволяет тот факт, что это было время жизни и деятельности целого поколения немцев, взгляды которых сформировались под влиянием Тридцатилетней войны, а их сочинения иногда выходили уже после ее окончания.

Теоретической и методологической основой для диссертации послужили теории национализма, выработанные историками и социологами XX в. Историография национализма имеет давнюю историю, однако наибольшие научные плоды в этом отношении принес XX в. Большой интерес представляют различные методологические концепции развития наций в Европе в Новое время, такие, как подходы Э. Смита,⁸ Б. Андерсона,⁹

⁸ Смит Э. Национализм и модернизм. М., 2004.

⁹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.

Э. Геллнера,¹⁰ Э. Хобсбаума.¹¹ Проблемы становления немецкой нации стали поводом для дискуссии в первую очередь в германо- и англоязычной историографии с 1950-х гг.¹² К 1970-1980-м гг. появились исследования немецких ученых Г. Винклера,¹³ К. Дойча,¹⁴ Т. Шидера,¹⁵ П. Альтера,¹⁶ ставшие классическими; без учета содержащегося в них теоретического и фактического материала сегодня не обходится практически ни одно исследование, связанное с национальной тематикой.

В 90-е гг. в историографии национализма появляются первые значительные работы на русском языке: вышли монографии Э.А. Позднякова «Нация. Национализм. Национальные интересы»,¹⁷ Е.А. Нарочницкой «Национализм: история и современность»,¹⁸ А.С. Мыльникова «Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания».¹⁹

На рубеже XX-XXI вв. интерес к развитию национальной идеи в Европе не гаснет. Именно в это время была написана одна из самых важных работ в области изучения национальной идеи в Германии в Новое время - монография «История Старой Империи. Государство и нация в раннее Новое время, 1495-1806 гг.» Георга Шмидта, профессора университета Йены.²⁰ Однако современная отечественная историография не уступает первенство западной. Речь идет о коллективной монографии «Национальная идея в Западной Европе в новое время» под редакцией В.С. Бондарчука.²¹ Эта книга посвящена развитию национальной идеи в разных европейских странах. Для темы диссертации особую роль сыграла глава, написанная А.С. Медяковым, – «Национальная идея и национальное сознание немцев».²²

Важной частью методологической и теоретической базы исследования стали работы, посвященные Тридцатилетней войне²³ и культурным явлениям в

¹⁰ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

¹¹ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб., 1998.

¹² См., например, Conze W. Die deutsche Nation. Ergebnis der Geschichte. Göttingen, 1963; Nation Consciousness, history and political culture in Early-Modern Europe / Ed. by O. Ranum. London, 1975.

¹³ Nationalismus / Hrgs. von H.A. Winkler. Königstein, 1978.

¹⁴ Deutsch K.W. Nation und Welt // Nationalismus ...

¹⁵ Schieder Th. Typologie und Erscheinungsformen des Nationalstaates in Europa // Nationalismus...

¹⁶ Alter P. Nationalismus. Frankfurt am Main, 1985.

¹⁷ Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М., 1994.

¹⁸ Нарочницкая Е.А. Национализм: история и современность. М., 1997.

¹⁹ Мыльников А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. М., 1997.

²⁰ Schmidt G. Geschichte des Alten Reiches. Staat und Nation in der frühen Neuzeit, 1495-1806. München, 1999.

²¹ Национальная идея в Западной Европе в новое время / Под ред. В.С. Бондарчука. М., 2005.

²² Медяков А.С. Национальная идея и национальное сознание немцев // Национальная идея в Западной Европе... С. 394-459.

²³ Алексеев В.М. Тридцатилетняя война. Л., 1961; Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555-1648 гг. СПб., 2003; Schormann G. Der Dreissigjährige Krieg. Göttingen, 1993; Burkhardt J. Der Dreissigjährige Krieg. Frankfurt am Main, 1992; Schmidt G. Der Dreissigjährige Krieg. München, 2002; Bosbach F. Die Habsburger und die Entstehung des Dreissigjährigen Krieges. Die „*Monarchia Universalis*“ // Krieg und Politik 1618-1648 / Hrgs. von K. Reppen. München, 1988; Franz G. Der Dreissigjährige Krieg und das deutsche Volk. Untersuchungen zur Bevölkerungs- und Agrargeschichte. Stuttgart-New York, 1979.

эту эпоху.²⁴ Кроме того, исследование построено на принципе историзма и научной объективности. Принцип историзма определил рассмотрение избранной проблемы в широком конкретно-историческом контексте и развитии. В диссертации использован также междисциплинарный подход, благодаря которому стало возможным привлечение статистических компьютерных методов анализа исторических источников. Среди привлеченных методов следует также отметить историко-генетический с типичным для него установлением казуальных связей между событиями и явлениями и хронологический метод.

Источники, которые послужили основой для исследования, можно разделить на шесть групп. Первую группу составляют научные сочинения немецких литераторов – современников Тридцатилетней войны. Эти трактаты могут сегодня служить источником не только для создания картины разнообразных сфер жизни немецкого общества XVII в., но, что представляет особый интерес, и для исследования вопросов, связанных с национальными представлениями литераторов.²⁵ Здесь немецкие поэты и публицисты, в первую очередь М. Опиц, Ю. Г. Шоттель, Г.Ф. Гарсдёрфер, И. Клай, Г.Я.К. Гриммельсгаузен, Ф. Цезен, поднимали вопросы родной истории, традиций, нравов и быта не только в немецких княжествах, но и за их пределами. Научные трактаты немецких литераторов основаны на широком материале разнообразных источников, авторами которых были как современные им мыслители, так и их предшественники. Эти источники питали немецкую национальную мысль и позволили создать самобытные национальные концепции эпохи Тридцатилетней войны. Большая часть научных трактатов связана с лингвистическими и филологическими вопросами, в первую очередь с выработкой норм литературного немецкого языка. Многочисленным поэтикам – сборникам грамматических нормативов для стихосложения – часто предшествуют так называемые «хвалебные речи» немецкому языку, в которых немецкие литераторы обосновывали необходимость изучения и использования родного языка во всех сферах жизни. Именно в этих сочинениях национальная мысль эпохи Тридцатилетней войны нашла свое наибольшее выражение.

²⁴ Schramm F. Schlagworte der Alamodezeit. Straßburg, 1914; Eisenbart L. Kleiderordnungen der deutschen Städte zwischen 1350-1700. Göttingen etc. 1962; Langer H. Hortus bellicus. Der Dreissigjährige Krieg. Eine Kulturgeschichte. Leipzig, 1982; Krieg und Kultur. Die Rezetion von Krieg und Frieden in der niederländischen Republik und im Deutschen Reich. 1568-1648 / Hrgs. von H. Lademacher und S. Groenveld. Münster – New-York – München – Berlin, 1998; Zwischen Alltag und Katastrophe. Der Dreissigjæerige Krieg aus der Næhe / Hrgs. von H. Medick und B. Krusenstern. Göttingen, 1999.

²⁵ Opitz M. Aristarchus sive de contemptu linguae teutonice. Buntzlau, 1617; idem. Buch von der deutschen Poeterey. Buntzlau, 1624; Schottel J.G. Ausfürliche Arbeit von der Teutschen Hauptsprache. 2 Bd. Hamburg, 1663; idem. Fruchtbringender Lustgarten. 1647; Harsdörfer G.Ph. Poetischer Trichter, die Teutsche Dicht und Reimkunst, ohne Behuf der Lateinischen Sprache, in sechs Stunden einzugiessen. 1653; idem. Deliciae Physico-Mathematicae. 3. Bd. Nürnberg, 1636-1653; Klaj J. Lobrede der Teutschen Poeterey. Nürnberg, 1644; Grimmelshausen H. J. Ch. Der Teutsche Michel. Frankfurt am Main, 1652; Zesen Ph. Deutscher Helicon. 1641.

К следующей группе источников относятся художественные произведения.²⁶ Эпоха Тридцатилетней войны была очень богата в этом отношении – здесь можно назвать массу сочинений от «энциклопедии Тридцатилетней войны» романа Г.Я.К. Гриммельсгаузена «Симплициссимус» до многочисленных стихов, впервые написанных на немецком языке. Художественные произведения иногда даже в большей степени, чем другие свидетельства эпохи, способствовали созданию образа немецкой нации. В третьей группе представлены произведения мемуарного характера, а также письма. Особую роль в данном случае сыграло издание писем и других частных свидетельств, сохранившихся после литераторов эпохи Тридцатилетней войны, под названием «Немецкая академия XVII в. Плодоносящее общество»,²⁷ подготовленное Библиотекой герцога Августа в г. Вольфенбюттеле. Четвертой группой можно считать документы, относящиеся к деятельности немецких языковых обществ, такие, как уставы и регистрационные книги.²⁸

Отдельную, пятую, группу источников, образуют памфлеты²⁹ и иллюстрированные листовки, изданные в немецких княжествах в первой половине – середине XVII в.³⁰ Этот материал остался в отечественных исследованиях практически неохваченным. Для диссертации публицистика

²⁶ Grimmshausen H.J.Ch. Der abenteuerliche Simplicissimus Teutsch. Leipzig, 1871; Moscherosch J. Visiones De Don Quevedo. Wunderliche und Wahrhaftige Gesichte Philanders von Sittewald. Hildesheim, New York, 1974; Gryphius A. Gesamtausgabe der deutschsprachigen Werke. 9 Bd. Tübingen, 2007; Rist J. Sämtliche Werke. Berlin, 1967; Gerhart P. Dichtungen und Schriften. München, 1957; Rompler von Löwenhalt J. Des Jesaias Romplers...erstes gebüsch seiner Reimgedichte. Tübingen, 1988; Harsdörfer G. Ph. Nathan und Jothan. 2 Bd. Nürnberg, 1659; Logau F. Deutscher Sinn-Gedichte drey tausend. Hildesheim, New York, 1972; Klaj J. Geburtstag des Friedens. Nürnberg, 1650.

²⁷ Die deutsche Akademie des 17. Jahrhunderts. Fruchtbringende Gesellschaft: kritische Ausgabe der Briefe, Beilagen und Akademiearbeiten. Tübingen, 1991-

²⁸ Satzung der Fruchtbringenden Gesellschaft. 1617; Satzung der Blumen –und Hirten Orden an der Pegnitz. 1642. Satzung der Blumen –und Hirten Orden an der Pegnitz. 1642; Satzung der DeutschHrgs.esinnten Genossenschaft. 1643; Der Fruchtbringenden Gesellschaft Nahmen / Vorhaben / Gemähldte und Wörter: Nach jedes Einnahme ordentlich in Kupfer gestochen/ und In achtzeiligen Reimgesetze verfasst. 1646.

²⁹ В первую очередь речь идет о коллекции немецкого историка XIX в. Густава Фрейтага, которая состоит из 6265 сочинений с 1470-1854 гг. Эта коллекция хранится в библиотеке им. Гете во Франкфурте на Майне.

³⁰ Abbildung deß hocherwünschten Teutschen Friedens. HAB, Günd.8045, fol.87a; Der Warner. HAB, Günd.8045, fol.50; Vrsachen vnd Vrsprung alles Jamers vnd Elends. HAB, Günd.8045, fol.7a; Deß Adlers vnd Löwen Kampf. HAB, IH 81; Der betregten Christenheit CONSOLATION. HAB, Günd.8045, fol.58a; Warnung: Mercurij der Götter Bottenn. HAB, Günd.8045, fol.34a; Spanische Spinnstuben oder Rockenfahrt. HAB, E 5700 / 10; Seltsames Gespräch / So in dem Königl. Schwedischen Lager. HAB, Günd.8045, fol.48a; Englischer Bickelhering / jetzo ein vornehmer Eysenhändler. HAB, E 5700 / 45; Ambassador des Lucifers / jetzo aus der Hellen. HAB, E 5700 / 40; A La Modo Monsiers. Oder Chartell deß Stutzerischen Auffzugs / Der Durchsichtigen / HocHrgs.efidderten / Wolgesport -vnnnd gestiffelten...Cavaliers. HAB, IE 154; Allomodischer DefensionSpiegel: Warhafftige Abbildung / deß numehr in aller Welt bekandten / vnd vnschuldig wol vexierten Herrn Allmodo Wapen / Schildt vnd Helm; mit beygefügter seiner Ehrenrettung / Allen Spöttern vnd Verächtern / sich hierinnen zuspiegeln / an Tag geben. HAB, Einbl. Xb FM 27; Trauer-Gesang / Uber den allzu früe tödtlichen abgang / Alla modo Monsier. HAB, IE 166; Eigentliche Abbildung / Wie sich ettliche Dama vnd Signora, inn mancherley Trachten sollen Kleyden / Damit sie den Monsire Alla Mode gefallen / vnd von ihnen geliebet werden mögen. HAB, IE 169; Ala Modo Monsiers: Die Neue vmbgekehrte Welt. HAB, IE 150; Winter Alla modo Meßieurs. HAB, IE 161; Abriß Ihr Fürstl. Durchl. in Bayrn / [et]c. vnd deß Manßfeldischen Legers: wie sie beyderseits zu Roßhaupten in Böheim / vnd zu Waydhausen in in der Obern ChurPfaltz gegen einander gelegen / im 1621. Jahr. HAB, IH 528; Franckenthalischer Triumph vnd Frewden-Spruch. das ist Kurtzer Bericht wie die Spanische Armada vnter dem berühmten Spanischen General Ferdinando Consalvo de Cordova vor Franckenthal geruckt ... auch wie sie im Monat Octobri, deß 1621 Jahrs ... abziehen müssen. HAB, ICH 100; Der Königl. May. zu Schweden / vnd Churf. Durchl. zu Sachsen / etc. wolbestalte Apotheck / wider den fressenden Wurm. HAB, Einbl. Xb FM 138.

эпохи Тридцатилетней войны представляет большую ценность, так как она иногда имела ярко выраженный национальный подтекст. Авторы уже в заголовки выносили термины «нация», «Германия», «Отечество» и т.д.³¹ Для более полного представления об эпохе был использован комплекс официальных документов³² и других свидетельств 1618-1648 гг.³³ Эти документы находятся в шестой группе.

Научная новизна диссертации определяется тем, что тема раннего этапа развития немецкой идеи нации и роль в этом процессе немецких интеллектуалов с применением междисциплинарного подхода до сих пор не была предметом специального изучения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Кроме того, многие источники, в частности иллюстрированные листовки и памфлеты эпохи Тридцатилетней войны, использованные для исследования, впервые вводятся в оборот.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использовать его результаты в различных сферах научной и общественной жизни. Большое количество источников, богатый историографический материал поможет в расширении представлений о Германии в недостаточно изученную эпоху XVII в. На основе материалов диссертации возможна постановка дальнейшего круга проблем, который следует развивать в новых обобщающих трудах по немецкой истории. Результаты диссертации также можно использовать при подготовке курса лекций и семинарских занятий по истории Германии Нового времени.

Апробация выводов. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях англо-германской секции кафедры Новой и Новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, а также были опубликованы в ряде статей («Чистый язык – сильная нация». «Плодоносящее общество» (1618-1680) в борьбе за немецкую

³¹Herzliches Seuffzen und Wehklagen / auch Christlicher Trost unnd endlich Göttliche Hülff unsers Vaterlandes / werter Teutscher Nation. HAB, IH 101; Trwehertzige **Warnung** an des Heiligen Römischen Reichs Adeler, unnd Teutscher Nation Liebhabende Patrioten. 1619 // Flugschriftensammlung Gustav Freytag, 4894; Der Teutschen Planet, Das ist: Nothwendige Betrachtung Der frembden Kriegeswaffen in Teutschland, darinnen, Von derselben Gerechtsame Befügnüß, wie auch vermutlichen Außgang. 1639 // Flugschriftensammlung Gustav Freytag, 5638; (Liebfriedt, Christian) An ganz Teutschland, von Deß Spanniers Tyranny, welche er ohn unterscheidt der Religion auch an aller Unschuldigen verübt. 1620 // Flugschriftensammlung Gustav Freytag, 4986.

³² Некоторые из этих документов сохранились в коллекции Густава Фрейтага. В первую очередь интерес представляют так называемые «законы об одежде» из этой коллекции: 1010. Dero Stadt Braunschweig **Kleider-Ordnung**. 1650; 1014. E.E. und Hochweisen Raths der Stadt Leipzig verneuerte und von Churfl. Durchl. zu Sachsen gnädigst confirmierte **Bettler – und Kleider-Ordnung**- 1652; 992. Verneuerte **Ordnung**, Der Erbar Hochzeiten zu Nürnberg. 1626; 997. **Johan Kasimir** Herzog von Sachsen: Mandat Deß Durchläuchtigen...Herrn Johann Casimiers, Herzogen zu Sachsen, ... Zu aller und jeden dero Unterthanen Wohlfart, Nutz, und gemeinem besten, bey gegenwertigen gefährlichenLeufften, und Zeiten...ergangen, und außgefertiget. 1631; 999. E.E. Raths der Stadt Leipzig Renoviertes **Mandat**, Wegen der Kleider-Ordnung, Und wie es forthin uff Verlöbnüssen, Hochzeiten, Kindtauffen und Leichenbegängnüssen zu halten. 1634; 988. Rectoris Und EinesEhrwürdigen Concilii Revidirte **Kleider, Verlöbnuß: Hochzeit, Kindtauff, Recrorats: und Promotion: Ordnung**. Rostock. 1625.

³³Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges. 12 Bd. München, 1886-1914; Briefe und Akten zur Geschichte des Dreissigjährigen Krieges. Neue Folge: die Politik Maximilians I. Von Bayern und seiner Verbündeten. 9 Bd. München, 1964-1986; Documenta bohemica bellum. 7 Bd. / Hrgs. von J. Policenskiy. Praha, 1976-1982.

национальную самобытность // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2005. № 3. С. 36—56; Немецкие иллюстрированные листовки Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.): Образ солдата-наемника // Источниковедческие исследования. М., 2006. Вып. 3. С. 82—113) и представлены в качестве докладов на конференциях («Власть, общество и личность в истории». Научная конференция 22-24 ноября 2006 г. Доклад «Общество и война. К вопросу о повседневной жизни в Германии в годы Тридцатилетней войны (1618-1648)»; «1948 г. – переломный год германской истории?» Российско-германская конференция историков 19-20 июня 2008 г. Доклад «„Особый“ год в немецкой истории (1648-1848-1948)»).

Структура диссертации отвечает проблемному подходу. Она состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** к диссертации дается общая проблематика исследования, определяются хронологические рамки, обосновываются его цели и задачи, актуальность и научная новизна. Здесь же предлагается общая характеристика источников и историографии.

В **первой главе** («Будители» нации: опыт просопографии) диссертации составлен просопографический портрет немецких литераторов и публицистов эпохи Тридцатилетней войны – «будителей» немецкой нации XVII в. В первом параграфе показано идейное наследие, на которое опирались немецкие мыслители при создании своих национальных концепций. Гуманисты Виллибрант Пиркгеймер (1470-1530), Себастьян Брандт (1457-1521), Ульрих фон Гуттен (1488-1523), Иоганн Авентин (1477-1534), Филипп Меланхтон (1497-1560), и другие «в противовес церковному и культурному преобладанию итальянцев стремились доказать равноправие, если не превосходство немцев». ³⁴ Для последующего развития немецкой национальной идеи гуманизм XVI в. сформировал несколько главных основ. Во-первых, определилась среда, к которой принадлежали «будители» нации. Во-вторых, были намечены основные контуры тех идей: патриотизма, немецкой самобытности, превосходства, – которые приобретут особое значение и будут детально разработаны в эпоху Тридцатилетней войны. В-третьих, было заложено начало «немецкой организации гуманистов». Таким образом, эпоха гуманизма стала базой для немецкого национализма времен Тридцатилетней войны, одним из этапов становления немецкой идеи нации в целом, которая вплоть до XVIII в. «не развивалась поступательно и равномерно, а скорее толчками и в

³⁴ Медяков А.С. Указ. соч. С. 399.

определенных, как правило, кризисных ситуациях».³⁵ Новый кризис принесла с собой Тридцатилетняя война.

Во время военного хаоса и явного ухудшения уровня жизни охотно верилось, что весь «мир чувствует себя как обьевшийся крестьянин, который начал забираться в седло, но тут вдруг летит кувырком».³⁶ Ощущение «перевернутого мира» или «сумасшедшего мира»,³⁷ было типичной чертой для начала XVII в. На иллюстрированных листовках можно найти изображение земного шара в шутовском колпаке, указывающее на то «безумие», «ненадежность», «шаткость»,³⁸ которые стали своеобразным символом для кризисного периода. Поиски новых опор и ориентиров проявились в это время наиболее четко у представителей образованных кругов, которые пытались противопоставить неурядицам и кризисам свой «мир академий» - интеллектуальных сообществ, ставивших перед собой в основном просветительские цели. Именно в этих «академиях» начинает свое развитие немецкая идея нации эпохи Тридцатилетней войны. Она стала «знаменем», которое подняли немецкие литераторы, юристы, теологи, философы, пытаясь таким способом преодолеть кризисные тенденции эпохи.

Основным вехам жизни немецких литераторов посвящен второй параграф первой главы. Для анализа деятельности и наследия «будителей» немецкой нации наиболее уместным представляется жанр просопографических исследований, который позволяет на примере конкретных биографий создать не только коллективный портрет, но и «некий образ исторической реальности».³⁹ В полях созданной базы данных «Поэты» в формализованном виде представлены биографии наиболее ярких деятелей немецкой литературной среды эпохи Тридцатилетней войны и отражены такие показатели, как временной промежуток жизни и деятельности поэта; место рождения; социальное происхождение; образование; социальный статус; членство в научных обществах и организациях. Специально выделены поездки за границу. Главной задачей при составлении базы данных стало создание коллективного динамического образа и коллективных статичных портретов немецких литераторов.⁴⁰ Таким образом, база данных является своего рода многомерной моделью, предоставляющей возможности проведения комплексного анализа

³⁵ Там же. С. 405.

³⁶ Virga vigilans, Daß ist Ein Einfältiger doch christlicher Discurs, von jetzigem, am Himmel stehenden **Cometen**: darinn schriftlich und trewhertzig angezeiget, wofür Teutschland bey jetziger vor Augen schwebender Unruh selbigen ansehen und achten soll ... / von Jacobo Herrenschmidt. Ulm, 1619. HAB, A: 202.79 Quod. (2). S. 12.

³⁷ Illustrierte Flugblätter des Barock. Eine Auswahl. Tübingen, 1983. S. 65 (Далее IFB).

³⁸ Ibid S. 63.

³⁹ Гарскова И.М. Указ. соч. С. 87.

⁴⁰ Юмашева Ю.Ю. Методологические проблемы... С. 32.

становления взглядов на идею нации немецких литераторов эпохи Тридцатилетней войны.⁴¹

В социальной среде можно выделить три основные группы, сформировавшие фундамент социального состава немецких литераторов. Большая часть – 33% - происходят из бюргерских семей (например, С. Дах, Г.Ф. Гарсдёрфер, П. Гергарт), 27% - из семей церковнослужителей протестантского толка (например, И. Клай, Ф. Цезен, Ю. Г. Шоттель), около 20% - представители знати и землевладельцев (например, И. Мошерош). 99% немецких литераторов имеют как начальное школьное, так и университетское образование. Наибольшее количество будущих литераторов получили юридическое образование - 53% (в частности, Ю.Г. Шоттель, М. Опиц, Г.Ф. Гарсдёрфер, З. Биркен), некоторые были теологами – 27% (например, И. Клай, П.Гергарт и др.) и лишь 13% изучали филологию и лингвистику (А. Грифиус, Ф. Цезен).

Важной чертой, повлиявшей на становление национальных взглядов немецких литераторов первой половины – середины XVII в., является степень их мобильности. Здесь речь идет как о возможности и желании переездов внутри Германии, так и путешествиях за границу. Подобная мобильность способствовала не только стиранию привычных границ, но также и созданию единого коммуникативного пространства внутри немецких княжеств, что стало одной из самых важных предпосылок в развитии национальной идеи в эпоху Тридцатилетней войны.

О путях «национальной коммуникации» и обмене информацией в немецких княжествах эпохи Тридцатилетней войны речь идет в третьем параграфе первой главы. Теоретики национализма, такие, как Б. Андерсон, К. Дойч и другие, считают, что именно благодаря распространению информации феномен идеи «нации» стал вообще возможен.⁴² Этот тезис вполне подтверждается данными диссертации. Литераторы способствовали становлению и развитию единой сети коммуникации, а вместе с этим и распространению идеи нации. Этот процесс в эпоху Тридцатилетней войны шел двумя основными путями. Во-первых, поэты, писатели, публицисты объединялись в так называемые «языковые общества», которые находились в постоянном контакте друг с другом, несмотря на свою географическую удаленность,⁴³ а во-вторых, они были основными авторами печатной

⁴¹О просопографических базах данных в исследованиях отечественных специалистов подробнее см. Юмашева Ю.Ю. Историография просопографии... Здесь же хотелось бы отметить, что жанр таких исследований представляет собой яркий пример междисциплинарных подходов, сочетая в себе наработанные историками-источниковедами приемы изучения массовых источников, процедуры исследования общества, заимствованные у социологов, методики проведения аналитических исследований, выработанные статистиками, технологию баз данных, созданную математиками и программистами.

⁴² См., например: Андерсон Б. Указ. соч. С. 31.

продукции первой половины – середины XVII в., которая в еще большей степени способствовала созданию единого коммуникативного поля в Германии.

Языковые общества, участие в которых было еще одной общей чертой коллективного портрета литераторов эпохи Тридцатилетней войны, представляли собой научно-просветительские организации, в программах которых были заявлены не только лингвистические, но и более широкие цели. Они дают основания обращаться к языковым обществам как к «национальным» организациям. Первой и, вероятно, самой заметной структурой такого рода на территории Священной Римской империи было «Плодоносящее общество» (1617-1680). Его основателем стал князь Людвиг фон Ангальт-Кёттен (1579-1650), кальвинист, брат одного из лидеров Протестантской унии.⁴⁴ В дальнейшем литераторами Германии были созданы «Нелицемерное общество ели» (1633), появившееся в Страсбурге в студенческой среде, «Музыкальная хижина тыквы» (1636) Симона Даха в Кенигсберге, гамбургское «Товарищество немецкого духа» профессионального писателя Филиппа фон Цезена (1643), «Пегницкий цветочный и пастуший орден» (1644), объединивший группу литераторов Нюрнберга, а также созданный в Гамбурге «Орден Эльбских лебедей» под руководством священника-лютеранина Иоганна Риста (1658).

В уставах обществ литераторы многократно обращались к теме пользы Отечеству, к мотиву обновления и чистоты, в то же время они были «призваны сохранять и распространять *немецкую* (курсив мой. – А. Л.) добродетель и обычай».⁴⁵ Речь шла об общем «свежем ветре», «необходимом родным княжествам».⁴⁶ Под таким «свежим ветром» поэты понимали целый комплекс разнообразных «нововведений», которые должны были воспитать у немцев чувство национальной гордости и осознание их единства.

Создание единого коммуникативного пространства и укрепление национальной идеи было бы невозможно без распространения печатной продукции XVII в. Иллюстрированные листовки и памфлеты способствовали тому, что на территории немецких княжеств в эпоху Тридцатилетней войны начало складываться общественное мнение и политическая культура, которые во многом являются определяющими для формирования национального сознания. В разнообразии сюжетов иллюстрированных листовок национальная тематика связывает разрозненные картины политических событий в единое целое. Немецкие публицисты эпохи Тридцатилетней войны действовали в духе распространенной в то время поговорки: «За Отечество должен сражаться

⁴⁴Протестантская уния (1608—1621) – или Евангелическая - союз германских протестантских князей и имперских городов во главе с курфюрстом Пфальца.

⁴⁵Schottel J. G. Fruchtbringender Lustgarten... Vorrede.

⁴⁶Zesen Ph. Op. cit. S. 12.

каждый. Кто деньгами, кто оружием, а кто мудрым советом».⁴⁷ Решающим фактором, заставившим задуматься о Германии как об общем отечестве и о немцах как о едином самобытном народе, стала Тридцатилетняя война.

Во **второй главе** («Немецкая война»: новый патриотизм и борьба за культурную самобытность) дается общая характеристика Тридцатилетней войны и ее роли в становлении национальной мысли в Германии в XVII в., а также анализируются культурные явления, появившиеся в годы войны и имевшие прямое отношение к формированию национальных представлений немецких литераторов и публицистов. В первом параграфе прослеживается развитие новых тенденций в патриотических представлениях немцев под влиянием Тридцатилетней войны. У современников война получила название «немецкой» (*der Teutsche Krieg, bellum Germanicum*). Речь идет не только о географии, хотя основным театром военных действий стали именно немецкие княжества. «Немецкой» война была еще и потому, что стала «потрясением для немецкого народа»,⁴⁸ если говорить о ее итоге для Германии в целом. Наконец – и это особенно важно – «немецкой» война стала и потому, что способствовала появлению первых ростков национального самосознания и складыванию представлений о единой Германии. Немецкие мыслители восприняли Тридцатилетнюю войну как всеобщее бедствие, не оставившее в стороне никого:⁴⁹ «Сейчас у нас витает дух / который убивает все своим движением / скажите, где осталась / красота старого мира? Все умирает / постоянным остается лишь непостоянство», – писал Ю.Г. Шоттель.⁵⁰ «Огонь, чума и смерть. И стынет сердце в теле. / О скорбный край, где кровь потомками течет», – сокрушался А. Гифиус.⁵¹ Однако новое национальное сознание питалось не только ощущением общегерманской катастрофы. В качестве новой программы немецкие писатели и поэты предложили новое понимание патриотизма.

Этот новый вид патриотизма – вместо традиционных «имперского» и «земельного» – распространялся за пределы отдельных княжеств, но был связан не столько со Священной империей, сколько с Германией. Понимание «Родины», «Германии» и «Отечества» постепенно начинали переплетаться и становиться тождественными, а апелляция к немцам, мало встречавшаяся в предвоенной публицистике, в годы войны звучит весьма отчетливо: «Смелей, вы отважные солдаты! / вы, в ком течет немецкая кровь! /<...>/ вы должны

⁴⁷ Schottel J.G. Ausführliche Arbeit... S. 1134.

⁴⁸ Schmidt G. Geschichte... S. 150.

⁴⁹ В реальности в немецких княжествах были территории, не охваченные трагическими событиями. В частности, жизнь северной Германии в годы войны продолжалась, такие города, как, например, Гамбург, обогащались на военных поставках. Крестьяне севера «страдали лишь от непогоды, которая нещадно уничтожала урожай» (*Der Dreissigjährige Krieg... S. 254*).

⁵⁰ Schottel J.G. Ausführliche Arbeit... S. 108.

⁵¹ Gryphius A. Kirchshoffs-Gedanken. Oden. Bd. 1 S. 67.

спасти / свободу и Отечество».⁵² Именно с Германией, а не с отдельным княжеством начинает соотноситься классический мотив патриотизма - смерть за свою Родину. Это новаторское понимание патриотизма, безусловно, было характерно изначально лишь для узкой среды мыслителей и тех политических деятелей, к которым последние были близки. На основе общей беды - иностранного вторжения - стали все чаще звучать голоса, которые призывали к «объединению всех сил для изгнания врага из пределов нашей возлюбленной Германии».⁵³ Но тем не менее, мощный интеграционный эффект, охвативший немецкое общество под влиянием войны, способствовал проникновению идей литераторов в более широкие слои.

Второй параграф второй главы посвящен появлению образа врага в немецкой публицистике военного времени, которое шло параллельно со становлением немецких «национальных стереотипов». Негативное восприятие врага естественно для любой войны, однако в Германии в первой половине – середине XVII в. образ врага стал катализатором национальной идеи. Образ внешнего врага, культивируемого поэтами, рождался в процессе четкого противопоставления и разделения мира на «своих» и «чужих». Комплекс негативных черт, присущих немецким врагам, возводился в ранг абсолюта и прочно ассоциировался у немцев с конкретными странами или народами, превращаясь в стереотип. Окружающий мир рисовался преимущественно в мрачных красках, здесь «воровали по-богемски, ввали по-критски, оставляли в дураках по-итальянски, льстили и обманывали по-испански, ругались по-французски».⁵⁴ В иконографии внешних врагов существовало две основных тенденции их изображений. Первая из них - бестиализация. За чужими странами «закреплялись» разные наводящие ужас животные: «Страшная змея (т.е. орден иезуитов, в котором главенствовали итальянцы и испанцы. – *А. Л.*) хочет напугать весь мир. /.../ Она со злобой вонзилась льву (т.е. Фридриху V Пфальцскому. – *А. Л.*) в бок, / хочет разорвать его сердце. /.../ Паук (Амброзио де Спинола, испанский маршал, так прозвали за сходство его фамилии с нем. «паук» - *die Spinne*. – *А. Л.*) – сильный враг. Выпустив яд, / он высасывает мозг из головы. /.../ Здесь и большая английская собака, которую не пощадил голод. / Она уже привыкла запихивать награбленное в церкви к себе в пасть».⁵⁵ Второй иконографической традицией была брутализация противника, его человеческие черты искажались до неузнаваемости. Этот прием был необходим немецким авторам, чтобы подчеркнуть дикость и варварство, которые принесли с собой в Германию враги немцев. Брутальными были в первую очередь образы северных народов – лапландцев, лифляндцев, шотландцев, финнов и ирландцев.

⁵² Tränen des Vaterlandes... S. 16.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Grimmshausen H. J.Ch. Der Teutsche Michel. S. 22.

⁵⁵ Illustrierte Flugblätter aus den Jahrhunderten der Reformation und der Glaubenskämpfe. Coburg, 1983. S. 161.

Образ врага способствовал осознанию литераторами немецкого единства, потому что помогал формулировать представления о немцах «от противного». Гетеростереотипы, то есть отличия от «чужого», позволяют получить «данные», на основе которых может быть сконструировано чувство «мы».⁵⁶

Однако, несмотря на жуткие аллегорические изображения, апокалиптические сравнения и утрированную брутальность врага, часть немецкого общества преклонялась перед культурой других государств, прежде всего перед Францией. Это преклонение, часто доходившее до абсурда, современники называли «алямомдством», и реакция на него стала также одним из катализаторов развития немецкой национальной идеи. Про феномен «алямомдства» речь идет в третьем параграфе второй главы.

«À la mode» по-французски означает «как модно, модный». Во Франции этот термин давно применялся для обозначения самых последних модных смелых экспериментов в одежде.⁵⁷ В Германии же слово «алямомд» получило презрительные коннотации и ассоциировалось с низкопоклонничеством перед всем иностранным, со слепым преклонением перед западной модой, нравами и обычаями.⁵⁸ «Алямомдство» утвердилось в первую очередь при дворах князей и курфюрстов, причем затронуты этим явлением оказались все немецкие земли.⁵⁹ Немецкие публицисты с середины 1620-х гг. объявили «алямомдству» настоящую войну, целью которой было сохранение немецкой культурной самобытности. Они начали свое выступление против «алямомдства» с критики костюма – «алямомдники» носили широкополые шляпы с огромным количеством пышных перьев, длинный плащ, шикарный камзол с большим количеством различных украшений, многочисленными оборками, воланами и пышными рукавами, кружевной, длинный воротник очень большого размера, широкие штаны с длинной бахромой и ботфорты с непомерно широким голенищем и узкими носами⁶⁰, - постепенно выйдя на более широкую проблему его отрицательного влияния на немецкий «национальный характер». В качестве главного метода своей борьбы публицисты выбрали высмеивание «алямомдников»: «Юнкеры сами боятся длинного воротника, / который как змеи Медузы обвивает шею»,⁶¹ «репутацию можно заслужить только подвязками»,⁶² и другие подобные характеристики являются доминирующими в листовках серии «алямомде». Показательно, что отрицание «алямомдства» не выглядело как

⁵⁶ Plum A. Die Karikatur im Spannungsfeld von Kunstgeschichte und Politikwissenschaft. Aachen, 1997. S. 108.

⁵⁷ Schramm F. Op.cit. S.16.

⁵⁸ Harsdörfer G.Ph. Nathan und Jotham. S. 294; Grimmshausen H.J.Ch. Der Teutsche Michel. S. 63 и др.

⁵⁹ Такой вывод позволяют сделать листовки, география распространения которых охватила все немецкие княжества, в первую очередь, безусловно, крупные, однако «алямомдство» можно четко проследить и на периферии (Deutsche illustrierte Flugblätter XVI-XVII Jh. / Hrsg. von W.Harms. Bd.1, 2, 4. Tübingen, 1981-1984. I, № 116, 120, 121. Далее DIF).

⁶⁰ DIF. I, №№117-132.

⁶¹ НАВ. IE 154.

⁶² НАВ. Einbl. Xb FM 27.

простое неприятие «чужого», оно опиралось на национальные представления и одновременно стимулировало их: «Кто может удержаться от смеха, когда видит как этакий фантазер с помощью глупого изменения обычаев и одежды *искажает сам себя* и со всей прилежностью *делает из себя не немца* (курсив мой. – А. Л.), а своих честных соотечественников старается презирать».⁶³ Одним из наиболее емких нарицательных определений стало словосочетание «немецкий француз», появившееся на одной из листовок и активно использовавшееся литераторами.⁶⁴ Именно в отказе от собственного лица литераторы видели причину современного им упадка и тяжелого положения немецких княжеств. «Алямодство» воспринималось немецкой интеллектуальной элитой как иноземное иго, а «господ-алямодников» обвиняли в пособничестве врагу, пытающемуся поработить Германию. В критике «алямодства» вновь четко проступают контуры патриотизма немецких поэтов эпохи Тридцатилетней войны; был придуман термин «неалямодский патриот»,⁶⁵ показывающий, что истинная любовь и уважение Родины не имеет ничего общего с новой модой.

Борьба с «алямодством» постепенно получила и политическую поддержку. Она послужила началом к широкому изданию законов об одежде (*die Kleiderordnung*). Это были кодексы правил, которые касались не только внешнего вида, но также регламентировали некоторые вопросы, связанные с церковными обрядами и бытом. Именно в годы Тридцатилетней войны законы об одежде приобрели национальную окраску. Если разбирать тексты законов об одежде на те составляющие, которые присущи литературе с национальным подтекстом, то в них можно найти целый комплекс привычных для раннего национализма атрибутов. Помимо сохранения сословных традиций, - что было главным содержанием подобных законов прежде, - их авторы кроме того противопоставляли современному им тяжелому положению Германии идею единства и прежней мощи немецких земель и, таким образом, вышли на национальную проблематику, выдвигая теории о национальной специфике и благодатном влиянии всего немецкого, начиная с традиционного костюма.

В целом борьба с «алямодством» стала одной из составляющих становления немецкой национальной идеи. Она способствовала консолидации немецкого общества, а также осознанию и выработке новых стереотипов, построенных на противопоставлении «свой – чужой». Эта схема особенно четко проявилась в оценочных суждениях о «себе» и о представителях других «наций».

Третья глава («Союз меча и языка»: представления о Германии) диссертации посвящена представлениям немецких литераторов о Германии,

⁶³ Grimmshausen H. J.Ch. Der Teutsche Michel. S. 22.

⁶⁴ НАВ. IE 154

⁶⁵ FGF, №1055.

национальным мифам и борьбе за употребление национального языка во всех сферах жизни. Как показано в первом параграфе этой главы, в распространении представлений о том, что является «нацией», одну из определяющих ролей играют так называемые «национальные мифы». В теории национализма «национальным мифом» называют сложившуюся у общества на протяжении определенного промежутка времени систему представлений (или представление), базирующуюся на обобщенном знании о своем прошлом, которая воспринимается членами данной группы как реальный исторический факт и служит для повышения чувства собственного достоинства и оценки в глазах других сообществ. Можно выделить три наиболее значительных национальных мифа эпохи Тридцатилетней войны.

Первый из них базировался на произведении Тацита «Германия» и обосновывал претензии немецких земель не только на более глубокую древность, но и на целый комплекс моральных качеств, которыми литераторы наделили всех немцев – прямых потомков германцев: «Наши древние *героические* (здесь и далее курсив мой. – А. Л.) предки <...> высоко поднялись благодаря своим *мужественным* усилиям и предельной *честности*. У них в избытке можно найти примеры достославного исполнения военных и мирных задач, организации духовной и светской жизни».⁶⁶ К тому же, как писал И. Клай, во времена древних германцев «Германия была свободна от иноземной власти <...>, как об этом уже писал благородный римлянин Тацит более 1500 лет назад».⁶⁷ Этот миф служил благотворным средством в деле поднятия немецкой самооценки: желание принадлежать к «такой древней» и всеми «уважаемой нации»⁶⁸ возрастало.

Второй миф, имевший богатую историческую традицию, разрабатывавшийся еще гуманистами XV-XVI вв., отвечал в большей степени чаяниям правящей верхушки, хотя призван был воспитывать чувство гордости и у простого населения. Это миф «о четырех мировых царствах (или империях)», основанный на библейской легенде о снах Даниила. Священная Римская империя провозглашалась наследницей древнего Рима⁶⁹ и последней земной империей. Стоит подчеркнуть два вывода: политический – претензии на универсальное господство, обладание монархией принципиально иного калибра; метафизический – на немцах заканчивалась земная история, они – финал, дальше уже Пятое царство – царство Божие. Это, бесспорно, укрепляло национальную гордость. Одновременно немецкие литераторы пытались доказать, что немцы выступили не только как наследники, но и спасители и

⁶⁶ Schottel J.G. Ausführliche Arbeit... S. 145.

⁶⁷ Klaj J. Lobrede... S. 19.

⁶⁸ Grimmshausen H.J.Ch. Simplificissimus. III, 4.

⁶⁹ Lübke-Wolf G. Die Bedeutung der Lehre von den vier Weltreichen für das Staatsrecht des römisch-deutschen Reiches // Der Staat, 23 (1984). S. 369-389. S. 370.

обновители Римской империи, избавив ее от пороков, приведших Рим к гибели: «Как мякину с гумна разносит летний ветер, / так немцы атаквали и завоевали Рим / Только имя оставили себе / победители от побежденных».⁷⁰

Третьим излюбленным мифом был миф о так называемом «Немецком герое». В эпоху Тридцатилетней войны он получил широкое хождение и в художественной форме был описан Г.Я.К. Гриммельсгаузенем, переработавшем его на основе традиционных представлений. «Немецкий герой» был символической фигурой, объединяющей немцев. «Немецкий герой» – сильнейший в мире богатырь – скоро «пробудится ото сна» для «спасения Германской империи».⁷¹ В ранг «национальных героев» в итоге стали попадать видные деятели разных эпох, которые, по мнению литераторов, прославляли Германию. При этом подчеркивалось, что для силы Германии необходимы свои национальные герои, а не иностранные, так как «снегом и ветром оказывается то, что написал не немец, и этот слишком толстый слой снега и слишком свирепый, ледящий воздух ветер, губительны для столь нежной божественной юной дамы (т. е. Германии. – *А. Л.*)».⁷²

В эпоху Тридцатилетней войны интеллектуальная элита немецких княжеств все чаще обращалась к национальному превосходству и самобытности, обоснованию которых помогали национальные мифы. В концепции немецких поэтов нашел свое отражение и постулат о превосходстве немецкой нации, как изначально заложенном в ее «божественной» природе, так и культурном, выраженном в многочисленных научных достижениях. Вместе с тем апелляции поэтов к величию Германии в первой половине XVII в. были в некоторой степени оправданы, поскольку в этот период кроме идеи о первенстве немцев и национальных мифов интеллектуалам было практически нечего предложить обществу для укрепления гордости за свою землю.

Важной составляющей немецкой национальной идеи эпохи Тридцатилетней войны были представления о Германии и о немецком национальном характере. Эти представления, часто воплощавшиеся в виде символов и аллегорий, достаточно широко представлены в литературном наследии XVII в. Эта проблематика нашла свое отражение во втором параграфе второй главы. Комплекс положительных морально-этических качеств – верности, добродетельности, набожности, свободолюбия - и ценностей в произведениях писателей и стал базой для того, что литераторы называли «немецким духом» (*der Teutsche Geist*),⁷³ который лег в основу представлений о традиционном немецком характере. По общему мнению немецких авторов середины-второй половины XVII в., «немецкий дух» был одной из главных

⁷⁰ Klaj J. Geburtstag des Friedens... S. 1.

⁷¹ Grimmelshausen H.J. Ch. Simplicissimus. III, 4.

⁷² Ibidem.

⁷³ Schottel J.G. Ausführliche Arbeit... S. 167.

составляющих «немецкости», утрата которой вела к потере своей самобытности. Неотъемлемой составляющей идеи «немецкого духа» и зарождавшегося национального сознания стали символично-атрибутивные изображения, которые в первую очередь появились на иллюстрированных листовках эпохи Тридцатилетней войны. Речь идет о визуализации тех связанных с национализмом абстрактных представлений, о которых писали литераторы. Символическим, а иногда аллегорическим изображениям сегодня приписывается социальная и политическая значимость, а также обладание «коммуникативными функциями в определенном коммуникативном пространстве».⁷⁴ На первое место в иконографии выходят символы, указывающие на немецкий героизм. Немецкие символы и атрибуты складывались в единый образ, персонифицирующий немецкую нацию – образ Германии. Кроме «немецких» животных – орлов, львов, медведей - в XVII в. появляется новый образ, утвердившийся не только в немецкой, но и в мировой публицистике как фигура, олицетворяющая немцев и Германию. Это образ «Немецкого Михеля». Михель – часто его ассоциируют с архангелом Михаилом, покровителем Империи⁷⁵ - является защитником и глашатаем всего «исконно немецкого». Он «смеется над дураками», которые «презирают Отечество»,⁷⁶ он горестно сетует, что в его «Германии ничего нельзя узнать».⁷⁷ Гриммельсгаузен изобразил его своеобразной «душой нации»,⁷⁸ тем стержнем, который может объединить немцев, возрождая их «лучшие качества».⁷⁹

Наряду с Михелем, публицисты XVII в. предложили еще одну символическую фигуру для обозначения немецкой нации, символизирующую немецкое единство. Именно благодаря немецким публицистам эпохи Тридцатилетней войны начинает существовать образ «девы-Германии».⁸⁰ Она «вознаграждает добро, выступает всеобщей защитницей».⁸¹ Дева-Германия была, как поэтично выразился Гарсдёрфер, «мечом доблести, шпагой справедливости».⁸²

Представление о немецком единстве, выраженное аллегорией, находило свое отражение и в географических представлениях немецких литераторов о «Германии». В письменных источниках существует два основных варианта, обозначающие название «Германия». Первый из них – *Germania* – охватывает территории, входившие в Священную Римскую империю. Немецкие

⁷⁴ Bruchhausen E.-B. Ch. Das Zeichen im Kostümball. Mainz, 1999. S. 214.

⁷⁵ Архангел Михаил, в свою очередь, являлся христианским воплощением германского бога Вотана (Plum A. Op.cit. S. 96).

⁷⁶ Grimmlshausen H.J.Ch. Der Teutsche Michel. S. 3.

⁷⁷ Das deutsche illustrierte Flugblatt... S. 29.

⁷⁸ Grimmlshausen H.J.Ch. Der Teutsche Michel. S. 51.

⁷⁹ Ibid. S. 3.

⁸⁰ В иллюстрированных листовках и песнях ландскнехтов можно найти тот же образ – в тексте сказано: «*Germania*, благородная страна», а на иллюстрации изображена Германия в образе девы. (DIF. II, №165)

⁸¹ Ibidem.

⁸² Ibidem.

литераторы, однако, чаще использовали в своих сочинениях название «Teutschland» [Toyt]land], подразумевая под этим в первую очередь немецкие территориальные княжества. В источниках можно найти перечисление «части земель»,⁸³ которые «составляют Германию (Teutschland)». К ним причисляли Баварию, Швабию, Франконию, Мейсен, Тюрингию, Гессен, Вестфалию, Фрисландию, Брауншвейг, Гольштейн, Мекленбург, Пруссию, Саксонию, Силезию, земли Марки.⁸⁴

В третьем параграфе второй главы освещены вопросы, связанные с конфессиональной проблематикой в национальных концепциях немецких литераторов. В их кругу не было религиозного единства, здесь были представители и католического, и евангелического, и кальвинистского вероисповедания. Однако с точки зрения формирования немецкого национального сознания гораздо важнее было то, что религиозная проблема уже не казалась немецким литераторам эпохи Тридцатилетней войны столь непреодолимым барьером для единства. «Пора прекратить давний спор между католиками и протестантами», - писал профессиональный теолог Клай.⁸⁵ «Война не несет славы ни католикам, ни их противникам, / где раньше был алтарь, теперь растет терн», - продолжает он.⁸⁶ Идеальная картина миропорядка рисовалась мыслителям так: «Религия и политика закончили спорить. К ним было послано Единство, чтобы утихомирить эти воюющие стороны, после чего был наведен окончательный порядок, который царит и по сей день», - писал Гарсдёрфер.⁸⁷

Четвертый параграф третьей главы посвящен месту немецкого языка в национальных воззрениях литераторов эпохи Тридцатилетней войны. Язык занимал главное место в развитии национальной идеи в Германии в этот период. Он, по мнению литераторов, был «голосом» из «героического прошлого».⁸⁸ В первой половине – середине XVII в. немецкий язык, не имея еще литературных норм, переживал период засорения иностранными заимствованиями. «Некоторые господа в соответствии с придворной модой и из желания выделиться имеют обыкновение примешивать к речи массу ненемецких слов, которые ни они сами, ни кто-либо другой не может понять, не говоря уже об их правильном употреблении. Как это глупо, когда немец без всякой нужды говорит на чужом языке, когда бы он мог многократно красивее и понятнее изъясняться на родном».⁸⁹ Литераторы в такой обстановке предлагали свои рецепты для «оздоровления Германии». Именно в родном

⁸³ Schottel J. G. Ausführliche Arbeit... S. 43.

⁸⁴ Ibid. S. 154.

⁸⁵ Klaj J. Lobrede... S. 20.

⁸⁶ Idem. Geburtstag des Friedens... S. 4.

⁸⁷ Harsdörfer G. Ph. Nathan und Jotham. S. 248.

⁸⁸ Zesen Ph. Op. cit. S. 15.

⁸⁹ Grimmelshausen H.J.Ch. Der Teutsche Michel. S. 69.

языке поэты видели то начало, которое может сплотить немцев, в познании и совершенствовании языка для них заключалась и любовь к родине, «культурный патриотизм», в то время как пренебрежение немецким воспринималось как оскорбление, нанесенное всей Германии. В литературной пропаганде «неповторимости и уникальности» немецкого языка современные лингвисты увидели специфическое выражение языкового сознания в конце XVI – первой половине XVII вв.⁹⁰

«Опиц пробудил немецкий язык ото сна, как Орфей свою Эвридику», – писал Гарсдёрфер.⁹¹ Именно Мартин Опиц первым обратил внимание на необходимость выработки норм немецкого литературного языка и его повсеместного употребления. В сочинениях немецких поэтов и публицистов эпохи Тридцатилетней войны «родному языку» приписывалось гораздо большее, чем просто средство общения. Немецкий язык подразумевал, во-первых, прирожденную «немецкость», то есть комплекс положительных, изначально заложенных в каждом немце качеств; во-вторых, немецкий язык воспринимался литераторами как «совершенный», не такой, как остальные; в-третьих, он был «чистым», освобожденным от пороков древнего Рима, присущих латыни и романским языкам; и, наконец, в-четвертых, немецкий язык отражал немецкий национальный дух.

Немецкий язык, по мнению литераторов, был самым природным, самым естественным из всех европейских языков: «он рычит как лев, ревет как вол, бурчит как медведь, блеет как овца, хрюкает как свинья, лает как собака, шипит как змея... мяукает как кошка, гогочет как гусь... журчит и шумит с водой, шепчет с ручьями, жужжит с пчелами, грохочет с громом, сгибается и потрескивает, как горящее полено, лязгает как железо – и воспроизводит все звуки, какие только можно услышать».⁹² Связь немецкого языка с природой свидетельствовала о его «чистоте», потому что природа изначально не несла на себе отпечатка человеческих пороков. Немецкий был по сути единственным в мире языком, лишенным отпечатка «порочности римлян».⁹³ Подчеркивая «чистоту» родного языка, мыслители пытались обосновать закономерность и непреложность его «силы». По мнению Шоттеля, «в самих немецких словах и даже буквах заключена *сила* (курсив мой. – А. Л.)».⁹⁴ Идея близости родного языка к природе, мотив «чистоты» и силы приводили литераторов к выводу, что именно немецкий может считаться «языком Бога». Ни один из других европейских языков не может сравниться с немецким: «Другие европейские языки пытались воспроизвести то, что под силу было лишь немецкому языку,

⁹⁰ Ahlzweig C. Muttersprache-Vaterland. Die deutsche Nation und ihre Sprache. Opladen, 1994. S. 53.

⁹¹ Harsdörfer G. Ph. Nathan und Jotham. S. 311.

⁹² Ibid. S. 344.

⁹³ Klaj J. Lobrede... S. 27.

⁹⁴ Schottel J. G. Ausführliche Arbeit... S. 59.

но не смогли и признали его главенствующее положение».⁹⁵ Поскольку немецкому языку необходимо было «очищение», литераторы активно занялись разработкой норм немецкого языка. Немецкие литераторы ратовали за то, что немцы едины, пока у них есть общий язык, который они называли «немецким главным языком», как, например, Шоттель, или «родным» языком. Эти определения появились в противопоставлении «родного» языка остальным. Присущее немецким литераторам эпохи Тридцатилетней войны отношение к родному языку поэтично выразил Андреас Грифиус: «Все – только в языке находит выражение. / В нем жизни торжество, в нем смерти поражение».⁹⁶

В **заключении** подводятся итоги исследования. Несмотря на достаточно длинную предысторию, решительный шаг вперед немецкая национальная идея и национальное сознание сделали в эпоху Тридцатилетней войны, которая стала важной вехой в историческом развитии Германии. Она получила название «Немецкой», так как военные действия с небывалой остротой заставили задуматься о том, что такое «немецкая нация». Об определяющей роли Тридцатилетней войны в развитии немецкой национальной идеи позволяет говорить и просопографический портрет литераторов – ее носителей. Практически все они выросли в военное время, сформировав целое поколение. Главной темой своих произведений литераторы сделали судьбу Германии и ее народа. Бедственное положение немецких земель заставляло задуматься над многими вопросами, центральным из которых стал вопрос о необходимости немецкого единства с целью противостояния врагу. Размышляя над ним, немецкие литераторы и публицисты пришли к идее «нации». В авангарде были поэты и литераторы, которые входили в так называемые немецкие «академии», или «языковые общества». Иными словами, в Германии первой половины – середины XVII в. появилось то, что современная теория национализма считает необходимой предпосылкой развития национальной идеи и национального сознания, а именно наличие ангажированной группы, которая создает представления о нации и осознанно и целенаправленно стремится донести его до более широкой читающей публики.

Показательно, что несмотря на отсутствие «Германии» как политический и географической реалии, именно это понятие вышло у немецких публицистов на первый план. Политической реальностью была Священная римская империя германской нации, состоявшая из отдельных государств, населенных отдельными народами, – в сочинениях же публицистов жила и развивалась Германия, населенная одним народом – немцами.

Такая постановка вопроса сделала необходимым следующий шаг – понять и объяснить, почему саксонцы и швабы, вюртембергцы и пруссаки являются немцами, иначе говоря, разработать содержательную сторону национальной

⁹⁵ Harsdörfer G.Ph. Nathan und Jotham. S.312

⁹⁶ Gryphius A. Gesamtausgabe.... Bd. 2. S. 137.

идеи. Подобная цель достигалась двумя основными методами – негативным и позитивным. Первый был призван показать границы немецкой нации, продемонстрировав «немецкое», предложив немцам возможность сравнивать себя с другими народами и выявлять свои собственные, только им присущие черты. Подобное сравнение по линии «мы» - «они», «свои» - «чужие» является одной из основных составляющих для любой национальной идеи, однако в условиях войны оно приобрело иную степень интенсивности, способствовало формированию классического образа врага. Борьба с «иностранщиной», ставшая важной вехой в творчестве немецких литераторов, нашла свое воплощение не только в появлении образа внешнего врага, но и в жесткой критике внутреннего врага. Отрицая все иностранное, немецкие литераторы вели и позитивную «национальную работу», смысл которой заключался в создании образа немецкой нации. «Германская нация» входила в группу древних европейских «наций», какими считались французы, англичане, испанцы. От мысли о равенстве европейских наций поэты и публицисты в скором времени перешли к идее превосходства немцев над другими народами. Деятельность литераторов эпохи Тридцатилетней войны стала важным этапом в развитии немецкого национализма, в котором Германия представлялась целым миром, «миром героев, где родилась добродетель, миром христианского триумфа, где проиграли пороки, миром, где верная рука искоренила зло».⁹⁷

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

Статьи в ведущих рецензируемых научных изданиях:

1. «Чистый язык – сильная нация». «Плодоносящее общество» (1617-1680) в борьбе за немецкую национальную самобытность // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2005. № 3. С. 36—56

Другие издания:

2. Немецкие иллюстрированные листовки Тридцатилетней войны (1618-1648 гг.): Образ солдата-наемника // Источниковедческие исследования. М., 2006. Вып. 3. С. 82—113

Статьи по материалам конференций:

3. Общество и война. К вопросу о повседневной жизни в Германии в годы Тридцатилетней войны (1618-1648) // Власть, общество и личность в истории: тез. науч. конф., 22-24 ноября 2006 г. М., 2006. С. 66—70

⁹⁷ Schottel J. G. Ausführliche Arbeit... S. 1012-1013.